

Даниил Семиков

Дети
Хроноса

Даниил Семиков

Дети Хроноса

<https://litres.ru/74040679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если сознание можно загрузить, как файл?

Что, если величайшие тираны прошлого уже здесь?

«Хронос» — корпорация, которая обещает вечную жизнь. Но за красивым фасадом скрывается проект «Пантеон»: секретная программа по загрузке сознаний мёртвых императоров, полководцев и диктаторов в тела живых людей.

Четыре трупа. Восемь выживших носителей. Одна женщина, которая должна остановить это.

Кира Ветрова — следователь с личными счётами. Пятнадцать лет назад её отца убили за то, что он узнал правду. Теперь она сама стоит на пороге того же открытия. И голос мёртвого анархиста в её голове — единственный союзник в войне против тех, кто уже победил смерть.

«Дети Хроноса» — это «Матрица» встречает «Шерлока Холмса» в мире, где прошлое не умирает. Оно захватывает будущее.

Даниил Семиков

Дети Хроноса

Дети Хроноса

Часть первая. Погружение

Глава 1. Самоубийцы

Запах в комнате был неправильный.

Кира Ветрова стояла на пороге кабинета и медленно вдыхала носом, прикрыв глаза. Пахло озоном от работающей техники, горьковатым кофе из опрокинутой чашки, полиролью для дорогой мебели. И ещё — едва уловимо — гарью. Не пожарной, не химической. Так пахнет воздух после удара молнии. Чистый, пустой, мёртвый запах.

— Долго ты там медитировать будешь?

Голос Лёши Громова ворвался в тишину, как камень в стекло. Кира открыла глаза и обернулась. Напарник стоял в коридоре, загораживая плечом дверной проём. Галстук с трицератопсами. Сегодня — трицератопсы.

— Я не медитирую. Я работаю, — сказала Кира и переступила порог.

Тело лежало возле панорамного окна. Мужчина лет пятидесяти, подтянутый, в дорогом костюме, который теперь был безнадежно испорчен — пролежни от пола, кровь из разбитого затылка. Он сидел, привалившись спиной к стеклу, и смотрел в потолок остекленевшими глазами. Выражение лица — не ужас, не боль. Скорее недоумение. Как у человека, который внезапно осознал, что забыл что-то важное.

— Аркадий Романович Берг, — прочитал Лёша с планшета. — Пятьдесят три года. Директор департамента стратегического планирования «Хроноса». Женат, двое детей, собака. Вчера вечером отпустил охрану, закрылся в кабинете, а в три ночи камеры зафиксировали...

— Я читала отчёт, — перебила Кира.

Она присела рядом с телом и осторожно, кончиками пальцев, приподняла левую руку покойного. Часы — швейцарская классика, никакой электроники. Остановились. Стекло целое, механизм не повреждён. Просто встали.

— Время смерти? — спросила она.

— Эксперты говорят, между двумя и тремя ночи.

Кира перевернула руку Берга ладонью вверх и замерла.

На подушечках пальцев — едва заметные ожоги. Не глубокие, не опасные. Такие остаются, если схватиться за оголённый провод под напряжением. Но в кабинете не было оголённых проводов.

— Лёша. Посмотри на это.

Громов подошёл ближе, наклонился. Присвистнул.

— Опять?

— Опять.

Четыре трупа за последние две недели. Четверо топ-менеджеров «Хроноса». И у каждого — ожоги на пальцах, остановившиеся механические часы и выражение лица человека, который внезапно вспомнил, что забыл выключить утюг. Только вот утюга ни у кого не было.

— Это уже четвёртый, — сказал Лёша, отходя к столу. — И ни одной зацепки. Ни следов взлома, ни посторонних, ни...

— Следов взлома полно, — Кира поднялась, отряхнула колени. — Просто мы не там ищем.

Она подошла к терминалу на столе Берга. Машина работала, голографический экран светился мягким синим. Запрос пароля. Кира вытащила из кармана плоский серебристый диск — служебный дешифратор — и приложила к считывающей панели.

— Ты уверена? — Лёша нахмурился. — У нас ордер на осмотр, но не на взлом личных файлов.

— А я не взламываю. Я проверяю целостность системы.

Дешифратор пискнул. Экран мигнул и развернулся веером рабочих папок. Кира пробежалась глазами по датам последних изменений. Отчёты, графики, презентации. Всё стандартно. Кроме одной папки.

Она была пуста.

Нет, не так. Она должна была быть пуста — нулевой объём, никаких файлов. Но дата последнего доступа стояла вчерашняя. Кто-то открывал эту папку, а потом стёр всё, что в ней было.

— Как называется? — спросил Лёша, заглядывая через плечо.

— Никак. Без названия. — Кира нахмурилась. — Вернее, название было, но его удалили. Остался только системный идентификатор.

Она вывела идентификатор на экран. Длинная строка цифр и букв, в которой Кирилл взгляд зацепился за три знакомых символа: PNT.

— «Пантеон», — прошептала она.

— Что?

— Проект «Пантеон». Я слышала это название. Месяц назад, на брифинге у Строганова. Он упоминал его как нечто... второстепенное. Исследовательский проект, не связанный с основной работой.

Лёша присвистнул.

— Четыре трупа, и у всех в терминалах пустые папки с пометкой «Пантеон». Совпадение?

— Я не верю в совпадения.

Кира закрыла терминал и обернулась к телу. Аркадий Берг всё так же смотрел в потолок с выражением запоздалого прозрения. Она подошла к нему и опустилась на корточки, вглядываясь в лицо.

— Что ты вспомнил? — спросила она шёпотом. — Что ты такое вспомнил, что предпочёл выброситься из окна?

Берг молчал. Но Кире на мгновение показалось, что в его мёртвых глазах мелькнула тень ответа.

— Ветрова. Ко мне.

Голос Виктора Строганова звучал ровно, почти дружелюбно. Но Кира давно усвоила: когда начальник службы безопасности «Хроноса» говорит таким тоном, ничего хорошего ждать не стоит.

Кабинет Строганова находился на верхнем этаже главного здания корпорации. Панорамные окна выходили на город — бесконечное море огней, уходящее к горизонту. В хорошую погоду отсюда можно было увидеть Шпиль — центральную башню, вокруг которой рос и развивался весь этот муравей-

ник. Но сегодня небо затянуло тучами, и город внизу напоминал гигантскую дымящуюся свалку.

Строганов сидел за столом, сложив руки в замок. Крупный мужчина с седыми висками и цепким взглядом бывшего военного. Он не носил форму, но в его осанке всегда чувствовалась выправка.

— Докладывай.

Кира осталась стоять.

— Четвёртое тело за две недели. Схожие обстоятельства: механические часы остановлены, ожоги на пальцах, доступ к папкам проекта «Пантеон» за несколько часов до смерти. Во всех случаях папки очищены. Физических следов насилия нет, следов взлома — тоже. Предварительный вывод — самоубийства.

Строганов молчал. Кире показалось, что при слове «Пантеон» его пальцы чуть сжались.

— Ты сказала «предварительный». Почему?

— Потому что я не верю в серийные самоубийства топ-менеджеров одной компании с одинаковыми деталями. Это

либо убийства, либо...

— Либо?

— Либо они действительно убили себя. Но кто-то им помог.

Строганов откинулся в кресле. Что-то мелькнуло в его взгляде — не то одобрение, не то тревога.

— Хорошо. Ты получаешь полный доступ к материалам расследования. Все архивы, все логи, все записи камер. Кроме одного.

— Проект «Пантеон», — сказала Кира.

— Именно. Он не связан с делом.

— Откуда вы знаете, если мы ещё не начинали расследование?

Вопрос повис в воздухе. Строганов смотрел на Киру долгим, изучающим взглядом. Потом улыбнулся — сухо, без тени тепла.

— Потому что я знаю, чем занимается «Пантеон». И это

не то, что могло бы убить человека. Это исследовательский проект, Ветрова. Теоретические разработки. Никакой практики, никакого контакта с персоналом. Ты теряешь время.

— Тогда почему все четверо интересовались этим проектом перед смертью?

— Возможно, именно поэтому ты и должна выяснить, кто направил их интерес в это русло. — Строганов поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Ищи того, кто хотел их смерти. А не копайся в закрытых исследованиях.

Кира развернулась к выходу.

— И ещё, Ветрова.

Она обернулась.

— Будь осторожна. Ты хороший следователь. Мне бы не хотелось потерять тебя из-за... излишнего любопытства.

— Он тебе угрожал? — Лёша отхлебнул кофе и сморщился. Автомат в отделе опять варил какую-то бурду.

— Он меня предупреждал. Это разные вещи.

Они сидели в их крошечном кабинете, заваленном папками с материалами старых дел. На стене висела грифельная доска, на которую Кира прикалывала фотографии жертв. Четыре снимка. Четыре мёртвых лица с одинаковым выражением запоздалого удивления.

— И что ты будешь делать?

— То, что он сказал. Искать убийцу. — Кира взяла маркер и обвела на доске слово «Пантеон». — Просто мне кажется, что убийца тоже его ищет.

— Думаешь, это как-то связано с проектом?

— Думаю, что Строганов слишком нервничает для человека, чей проект «не связан с делом».

Лёша отставил стаканчик и подошёл к доске.

— Давай по порядку. У нас четверо покойников. Все — руководители высшего звена. Все работали в «Хроносе» больше десяти лет. Все за неделю до смерти проходили плановую проверку в медицинском крыле.

— «Чистка кэша», — кивнула Кира.

Процедура была стандартной для всех сотрудников, работавших с эхо-технологиями. Раз в полгода им стирали накопившиеся фантомные воспоминания — обрывки чужих эхослепков, которые могли случайно «прилипнуть» во время работы. Безвредная, рутинная операция.

— Я запросил логи медблока, — Лёша вывел данные на планшет. — И знаешь, что интересно? В день чистки всем четверым проводили не только стандартную процедуру. Был дополнительный сеанс. Какой-то... аплинк.

— Загрузка?

— Да. Им не стирали данные. Им что-то закачивали.

Кира выхватила у него планшет. Цифры не ввали: объём загруженных пакетов превышал стандартный в десятки раз. Это были не «обрывки чужих воспоминаний». Это были целые массивы информации. Чужие личности.

— Откуда шла загрузка? — спросила она быстро.

— Сейчас покажу. — Лёша постучал по экрану. — Серверный кластер... номер семь. Закрытый.

— Принадлежность?

— Угадай с одного раза.

— «Пантеон».

— Бинго.

Кира отложила планшет и подошла к окну. Внизу, в бесконечных коридорах «Хроноса», сновали люди. Они не знали, что их начальники умирают один за другим. Что где-то на закрытых серверах хранится информация, способная пролить свет на эти смерти. И что человек, который должен защищать корпорацию, почему-то мешает следствию.

— Мне нужен доступ к серверному кластеру, — сказала она.

— Строганов не даст.

— Я знаю.

— Тогда как?

Кира обернулась. В её глазах горел холодный, опасный

ОГОНЬ.

— Мы зайдём с другой стороны. Не через сервер. Через человека.

— Какого человека?

— Того, кто всё это начал. Двадцать лет назад.

Лёша побледнел.

— Кира. Нет.

— Это единственный способ понять, что загружали в жертв. Если мы не можем прочитать файлы напрямую, мы читаем архитектуру. Формат, в котором они написаны. А единственный человек, который знает этот формат...

— Мёртв. Кай Морозов мёртв, Кира. Казнён двадцать лет назад. А его эхо-слепок — под грифом «ноль». Даже Строганов не имеет к нему доступа без санкции Совета.

— У меня есть знакомая в архиве. — Кира взяла куртку.
— И она мне должна.

— За что должна?

— За то, что я не посадила её сына.

Лёша схватил её за руку.

— Ты хоть понимаешь, на что идёшь? Эхо Морозова — это не просто запись. Это «логическая бомба». Все, кто пытался в него погрузиться, сходили с ума. Ты же читала отчёты.

— Я не пытаюсь в него погрузиться. Мне нужно только посмотреть на структуру данных. Один сеанс, пятнадцать минут. Никакого контакта.

— Ты врёшь. Ты сама знаешь, что контакт неизбежен. Формат Морозова устроен так, что даже чтение метаданных провоцирует... резонанс.

Кира высвободила руку.

— Лёша. У нас четыре трупа. Будет пятый, если мы ничего не сделаем. Ты этого хочешь?

Громов молчал. Потом вздохнул и потянулся за своей курткой.

— Я с тобой.

— Нет.

— Да. Если ты полезешь в голову к мертвецу, кто-то должен будет тебя вытащить. Или пристрелить. Смотря что случится.

Он улыбнулся, но улыбка вышла кривая. Кира смотрела на него несколько секунд, потом коротко кивнула.

— Хорошо. Но если что-то пойдёт не так...

— То мы оба будем в дерьме. Как обычно.

Архив «Хроноса» находился глубоко под землёй, на минус восьмом уровне. Бетонные стены, тусклый свет, запах пыли и озона. Сотни километров серверных стоек хранили эхо-слежки — записанные личности людей, как живых, так и мёртвых. Для следователей вроде Киры это был бесценный ресурс. Но сейчас она шла мимо рабочих секторов в ту часть архива, куда не заглядывала никогда.

Сектор «Ноль».

Здесь хранились эхо-слепки, запрещённые к использованию. Личности серийных убийц, основателей тоталитарных сект, людей с необратимым резонансным психозом. И среди них — Кай Морозов.

— Ты уверена? — спросила архивариус, пожилая женщина с усталыми глазами.

— Да.

— Пятнадцать минут. Я запускаю таймер. Если через пятнадцать минут ты не выйдешь из интерфейса, я вызову охрану.

— Договорились.

Кира легла в кресло погружения. Холодные сенсоры коснулись висков. Лёша стоял рядом, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, но Кира знала: внутри он считает секунды до того момента, как всё пойдёт не так.

— Запускаю, — сказала архивариус.

Мир погас.

Сначала была темнота. Абсолютная, глубокая, как межзвёздное пространство. Кирин разум плыл в ней, ожидая загрузки интерфейса. Она настроилась на чтение метаданных — безличных строк кода, описывающих структуру эхо-слепа. Так она работала десятки раз.

Но вместо строк кода она услышала голос.

— Привет, Кира.

Она замерла. Голос был спокойный, тёплый, почти ласковый. Так говорят старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

— Я ждал тебя. Двадцать лет ждал.

Кира попыталась выйти из погружения. Интерфейс не отвечал.

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Я вообще никому не причиняю вреда. Это люди причиняют вред себе, а я всего лишь... показываю им правду.

Перед её внутренним взором начало проступать лицо.

Молодой мужчина, лет тридцати. Взлохмаченные тёмные волосы. Умные, ироничные глаза. Лёгкая улыбка, от которой у Киры почему-то защемило в груди.

— Ты пришла узнать, что такое «Пантеон», — сказал Кай Морозов. — Я расскажу. Но сначала я хочу задать тебе один вопрос.

Он наклонился ближе. Его голос звучал уже не со стороны, а внутри неё — резонируя где-то в глубине сознания.

— Почему Строганов выбрал именно тебя, Кира? Почему из всех следователей он поручил это дело той, чей отец умер, расследуя «Хронос»?

Кира почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Ты не знала? — Кай улыбнулся. — О, нам о многом нужно поговорить.

Глава 2. Общая точка

Пятнадцать минут истекли.

Лёша стоял над креслом погружения, сжимая побелевшими пальцами край подлокотника. Он видел, как дёргаются под веками Кирины глаза — фаза быстрого сна, признак глубокого контакта. Архивариус уже трижды повторила, что вызывает охрану. Лёша попросил ещё минуту. Потом ещё одну.

А потом Кира открыла глаза.

— Выключи, — сказала она хрипло.

Архивариус нажала кнопку экстренного отключения. Сенсоры на висках погасли. Кира села, и Лёша заметил, что её руки дрожат. За десять лет работы он видел её после перестрелок, погонь и допросов особо опасных резонантников. Она никогда не дрожала.

— Что там было? — спросил он тихо.

— Не здесь.

Она поднялась и, не глядя на архивариуса, пошла к выходу. Лёша двинулся следом, чувствуя, как внутри затягивается холодный узел. Что-то пошло не так. Что-то пошло совсем не так.

Они поднялись на поверхность и вышли через служебный вход на технический балкон. Здесь не было камер, только ветер и шум города внизу. Кира встала у перил и долго смотрела на огни. Лёша ждал.

— Он говорил со мной, — сказала она наконец.

— Кто?

— Кай Морозов. Его эхо. Это не просто запись, Лёша. Это полноценное сознание. Он ждал. Двадцать лет ждал, пока кто-то зайдёт в систему с нужным уровнем доступа.

— Но ты же не погружалась. Ты только метаданные...

— Он перехватил управление интерфейсом. — Кира сжала перила. — Я не могла выйти. Он держал меня и говорил. О моём отце.

Лёша замер.

— Твой отец покончил с собой пятнадцать лет назад. Какое отношение к этому имеет Морозов?

— Он сказал, что отец не покончил с собой. — Кира по-

вернулась, и Лёша увидел в её глазах то, чего никогда раньше не видел. Страх, смешанный с яростью. — Он сказал, что отец работал над ранней версией «Пантеона». И когда отказался продолжать, его убрали.

— Это может быть ложью. Ты сама знаешь: эхо-личности манипулируют. Они используют твои страхи, твои воспоминания...

— Он знал детали, Лёша. Вещи, которых нет ни в одном файле. Номер лаборатории, где работал отец. Имя его научного руководителя. Даже кличку нашей собаки.

Лёша молчал. Если эхо Морозова действительно имело доступ к такой информации, это меняло всё. Это означало, что его сознание не было изолировано в архиве. Что он мог проникать в другие системы.

Что он, возможно, вообще не был мёртв.

— Ладно, — сказал он наконец. — Допустим, твой отец работал над «Пантеоном». Допустим, его убили. Но это не объясняет, почему Строганов дал тебе это дело именно сейчас.

— Морозов спросил меня об этом. — Кира поёжилась,

хотя ветер был тёплым. — Он сказал: «Почему именно ты?»
И я не смогла ответить.

— Может, Строганов хочет, чтобы ты докопалась до правды?

— Или хочет, чтобы я сунулась в «Пантеон» и сгорела, как мой отец. — Кира посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. — Он что-то оставил во мне, Лёша. Не просто информацию. Какую-то закладку. Я чувствую её здесь.

Она коснулась виска.

Лёша подошёл ближе. Взял её за плечи — впервые за много лет позволил себе этот жест.

— Слушай меня. Мы найдём того, кто убил этих людей. Мы выясним, что такое «Пантеон». И мы разберёмся с тем, что Морозов оставил у тебя в голове. Но по порядку. Шаг за шагом. Хорошо?

Кира кивнула. Её плечи под его ладонями были напряжены, как натянутая струна.

— С чего начнём?

— С того, что мы знаем точно. — Лёша отпустил её и достал планшет. — Четырём жертвам загрузили какие-то данные из серверного кластера «Пантеон». Данных больше нет, но есть логи загрузки. Если мы не можем прочитать файлы, может, мы можем найти того, кто их загружал?

— Технический персонал медблока?

— Именно. У нас есть временные метки всех четырёх сеансов. Я пробую по базе, кто дежурил в эти смены.

Кира оживилась. Работа — это было то, что возвращало её к жизни.

— А я пока проверю ещё кое-что. Морозов упомянул номер лаборатории отца. Если она до сих пор существует, я хочу знать, чем она занимается сейчас.

— Только будь осторожна. Если Строганов узнает, что ты копаешь под «Пантеон»...

— Я знаю. Я буду осторожна.

Лаборатория номер семнадцать находилась в восточном

крыле исследовательского комплекса «Хроноса». Когда-то здесь работал профессор Андрей Ветров — нейрофизиолог, специалист по когнитивным интерфейсам, отец Киры. Пятнадцать лет назад его нашли мёртвым в собственном кабинете. Официальная версия: самоубийство на фоне профессионального скандала. Его обвиняли в фальсификации результатов исследований, и следствие пришло к выводу, что он не выдержал позора.

Кира никогда не верила в эту версию. Но и доказать ничего не могла. До сегодняшнего дня.

Она подошла к двери лаборатории и приложила служебный пропуск. Система пискнула и выдала сообщение: «Доступ запрещён. Требуется уровень допуска "Омега" или выше».

Уровень «Омега». У Киры был «Сигма» — на две ступени ниже. Она могла заходить почти во все помещения корпорации, но не в это.

— Ветрова? Что ты здесь делаешь?

Кира обернулась. По коридору шёл Строганов. Тот самый Строганов, который ещё полчаса назад должен был быть на совещании совета директоров. Он был один, без охраны, и

это настораживало больше всего.

— Проверяю старые связи, — сказала Кира, стараясь говорить ровно. — Одна из жертв, Берг, в прошлом работал в этом крыле. Я подумала, может, есть какие-то пересечения.

— Пересечения с кем?

— С персоналом. С другими проектами.

Строганов подошёл ближе. Он был выше Киры на голову, но сейчас казалось, что он нависает над ней, как скала.

— Берг не работал в этом крыле, — сказал он тихо. — Ты это знаешь. Я знаю, что ты была в секторе «Ноль» сегодня. И я знаю, что ты погружалась в эхо Морозова.

— Я не погружалась. Я читала метаданные.

— Не лги мне. — Голос Строганова оставался спокойным, но в нём появился металл. — Я вижу резонанс в твоих глазах. Ты контактировала с ним.

Кира молчала. Отрицать было бессмысленно.

— Чего он хотел?

— Правды.

— И какую правду он тебе рассказал?

Кира подняла глаза. В этот момент она поняла, что стоит на развилке. Можно отступить, соврать, притвориться, что Морозов не сказал ничего важного. И тогда Строганов оставит её в покое — на время. Или можно пойти ва-банк.

— Он сказал, что моего отца убили.

Строганов не изменился в лице. Ни один мускул не дрогнул. Но что-то мелькнуло в его глазах — на долю секунды, почти неуловимо. Узнавание? Страх? Удовлетворение?

— Мне жаль, — сказал он. — Твой отец был талантливым учёным. Но его смерть была трагической случайностью.

— Откуда вы знаете? Вы работали здесь тогда?

— Я работаю здесь дольше, чем кто-либо. — Строганов чуть наклонил голову. — Я знаю всё, что происходило в этих стенах за последние двадцать пять лет. И я говорю тебе: твой отец покончил с собой. Морозов лжёт. Это то, что он делает лучше всего.

— Зачем ему лгать мне?

— Потому что ты — инструмент. — Строганов шагнул ещё ближе, и теперь его голос звучал почти интимно, как голос врача, сообщающего диагноз. — Морозов был гением, но он был разрушителем. Его эхо-слепок — это вирус, запрограммированный на уничтожение «Хроноса». Он ищет людей, которых можно использовать. Ты — дочь человека, погибшего при работе над ранними прототипами. Ты идеальная мишень.

— Если он вирус, почему вы не уничтожили его эхо двадцать лет назад?

Вопрос попал в цель. Строганов замолчал. Кира видела, как желваки ходят под его кожей.

— Потому что даже у вируса есть противоядие, — сказал он наконец. — Морозов знал архитектуру системы лучше всех. Некоторые его наработки до сих пор используются. Мы сохранили его эхо как... эталон. Чтобы понимать, с чем имеем дело.

— И что же это, по-вашему?

— Хаос. — Строганов отвернулся. — А теперь иди, Ветрова. Занимайся расследованием. Четыре трупа — вот твоя работа. Не отвлекайся на призраков.

Он ушёл, оставив Киру стоять перед запертой дверью. Но она уже знала, что вернётся сюда. И в следующий раз дверь откроется.

Лёша ждал её в кабинете. На столе дымились два стаканчика кофе — на этот раз из нормальной кофейни на первом этаже, а не из автомата. Значит, новости важные.

— У нас проблема, — сказал он вместо приветствия.

— Только одна? Мне казалось, их больше.

— Я пробил персонал медблока по сменам. Четыре сеанса загрузки — четыре разных оператора. Но есть общий момент: все они уволились.

— Что значит — уволились?

— Буквально. В течение суток после каждого сеанса оператор, проводивший загрузку, писал заявление и уходил. Без

объяснения причин, без отработки. Просто собирал вещи и исчезал.

Кира взяла стаканчик. Кофе был горячий, почти обжигающий — то, что нужно.

— Найди их.

— Уже. Трое не выходят на связь. Четвёртый...

— Что?

— Четвёртая — женщина по имени Елена Штерн. Она уволилась позавчера, после сеанса с Бергом. И она единственная, кто ещё не пропал. Я отследил её финансовые транзакции — сегодня утром она оплатила камеру хранения на Восточном вокзале.

— Едем.

Восточный вокзал был старым зданием, построенным ещё до эпохи корпоративных городов. Здесь пахло машинным маслом, дешёвой едой и отчаянием. В камерах хранения оставляли свои вещи те, у кого не было другого места.

Кира и Лёша нашли нужную ячейку. Кира достала дешифратор и приложила к замку. Через несколько секунд дверца открылась.

Внутри лежал небольшой пластиковый кейс. Кира осторожно достала его и открыла. Внутри были бумажные документы. Настоящие, бумажные — в мире, где вся информация давно перешла в цифру, это выглядело архаично. А значит — важно.

— Смотри, — Лёша достал верхний лист. — Это схема.

Это была схема нейронного интерфейса. Но не стандартного, который использовали для эхо-погружений. Этот был сложнее, массивнее. И в углу стояла пометка: «Проект Пантеон. Рабочий прототип. Версия 7.3».

— Они не просто загружали данные, — прошептала Кира, разбирая схему. — Они создавали канал. Двусторонний. Загружали чужое сознание и одновременно выгружали сознание носителя.

— Зачем?

Кира подняла на него глаза. В них стоял ужас.

— Чтобы освободить место.

Глава 3. След Морозова

Елена Штерн сидела на жёсткой скамье в зале ожидания Восточного вокзала и смотрела на табло с расписанием. Она не собиралась никуда ехать. Просто здесь было шумно, многолюдно и почти не было камер наблюдения — старые своды вокзала экранировали сигнал. Идеальное место, чтобы исчезнуть на час. Или навсегда.

Она знала, что за ней придут. Знала с того самого момента, как провела последний сеанс и увидела, что именно загружается в сознание Аркадия Берга.

Берг лежал в кресле погружения, опутанный проводами, и смотрел в потолок отсутствующим взглядом. А на мониторе Елены разворачивалась структура загружаемого эхо-слежка. Это не была стандартная матрица воспоминаний. Это была целостная, активная, живая личность. Чужое сознание, упакованное в формат, который Елена не видела никогда за десять лет работы. Оно проросло в нейронную сеть Берга, как корни дерева в почву. Захватывало зоны памяти, вытес-

няло оригинальные паттерны, переписывало синаптические связи.

Это была не процедура очистки. Это был захват.

Елена завершила сеанс по протоколу. Подписала бумаги. Вышла из медблока. А потом зашла в туалет для персонала, и её вырвало. Через час она написала заявление об увольнении. Через два — собрала все доказательства, которые смогла скопировать незаметно. Через четыре — перестала отвечать на звонки.

Теперь она ждала.

Она заметила их сразу. Женщина и мужчина. Женщина — невысокая, собранная, с острым взглядом, который сканировал толпу, как радар. Мужчина — крупнее, мягче, но в его движениях чувствовалась профессиональная выучка. Они не были похожи на службу безопасности «Хроноса». Скорее на полицейских. Или следователей.

— Елена Штерн? — женщина остановилась в двух шагах, давая возможность ответить или убежать.

Елена посмотрела на неё. Потом на мужчину. Потом на табло.

— Я никуда не поеду, если вы об этом. Просто здесь нет камер.

— Мы знаем, — сказала женщина. — Меня зовут Кира Ветрова. Это мой напарник, Алексей Громов. Мы из отдела хроно-криминалистики. Расследуем смерть Аркадия Берга и ещё троих.

— Я не убивала их.

— Мы знаем. — Кира присела на соседнюю скамью, оставляя между ними расстояние. — Но вы знаете, кто это сделал. Или что.

Елена молчала. Пальцы её правой руки теребили край рукава — нервный тик, выдававший напряжение.

— Мне нужно знать, что вы видели, — продолжала Кира. — Что именно загружалось в Берга и остальных? Что такое проект «Пантеон»?

— Почему я должна вам верить? — Елена наконец подняла глаза. — Вы из «Хроноса». Вы все оттуда. А я видела, что они делают с людьми, которые задают вопросы.

— Мой отец задавал вопросы, — сказала Кира. — Пятнадцать лет назад. Его нашли мёртвым. Официально — самоубийство. Я думаю, его убили.

Елена замерла. Что-то дрогнуло в её лице — недоверие боролось с надеждой.

— Как фамилия вашего отца?

— Ветров. Андрей Ветров. Он работал в лаборатории семнадцать.

— Господи, — выдохнула Елена. — Я читала его файлы. Старые отчёты. Он был одним из первых, кто понял. Ещё тогда, пятнадцать лет назад. Он написал докладную записку о том, что технология слияния сознаний опасна и не должна применяться на людях. Его отстранили. А через неделю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.